

УДК 94(47).904.355.48.470.41

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КАЗАНСКОГО ХАНСТВА XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI В.: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

© 2017 г. И.Л. Измайлов

В статье дается анализ вооружения и военного искусства татарского населения Казанского ханства. В первую очередь это материалы археологических исследований и музейных собраний, а также сведения письменных источников. Долгое время в историографии существовало мнение о том, что военное дело Казанского ханства переживало упадок и находилось на низком уровне развития. Этому мнению противоречило то, что казанские татары почти сто лет успешно противостояло Русскому государству. Комплексный анализ всех материалов по военной археологии и сведений письменных источников о военном деле Казанского ханства свидетельствует о его высоком уровне, сопоставимом с вооружением других стран Евразии. Вместе с тем, военная тактика боя и обороны казанских татар имела свои особенности и традиции.

Ключевые слова: вооружение, военное дело, Казанское ханство, огнестрельное оружие, военно-служилое сословие, татары, оборона Казани.

Вооружение и военное искусство населения Казанского ханства унаследовало боевые традиции Улуса Джучи (Золотой Орды). К моменту завоевания Россией татары имели все виды холодного оружия, защитного снаряжения, имели свой военный флот, огнестрельную артиллерию и прекрасные крепости. После поражения татар и взятия Казани оригинальная татарская военная культура была разрушена. У тюрко-татарских народов, живших на землях бывшей Золотой Орды, традиции военного дела законсервировались и постепенно деградировали. Они были только тенью своих великих предков, в результате в европейской военной науке утвердилось мнение об ущербности, «примитивности» оружия и тактики татарского войска. Даже такой серьезный и вдумчивый историк, как М.Г. Худяков, писал: «В эпоху Казанского ханства военное искусство татар находилось в упадке» (Худяков, 1923: 228). Широко в исторической литературе распространены мифы о том, что татары не владели огнестрельным оружием, не имели речного флота и защитного вооружения (собрание подобных суждений, например, см.: Бахтин, 2008: 201-208). Это мнение тиражировалось и развивалось в работах последующих историков.

Для составления верного суждения о вооружении татар необходимо собрать и проанализировать комплекс вооружения. Первые подобные работы, в которой делались попытки описать предметы татарского вооружения по коллекции Московской Оружейной Палаты начали появляться еще в 20-е гг. XX в. (Успен-

ский, 1927: 1-14). В настоящее время наряду с коллекциями из музеев Москвы и Казани, известны материалы из раскопок памятников эпохи Казанского ханства (Казань, Камаевское, Арское. Чаллыновское городище, Балынгусское селище и т.д.), что позволяет на более широком материале представить картину развития вооружения и военного дела в Казанском ханстве.

Сейчас накоплен значительный историко-археологический материал, позволяющий составить более полное представление о характере вооружения и тактике боя воинов Казанского ханства. В первую очередь это новые археологические находки и анализ письменных материалов, которые вместе с изучением военной культуры тюркских народов Европы и Азии, заставляют пересмотреть прежние уничижительные представления о характере татарского вооружения и военного дела (Измайлов, 1995: 135-139; Измайлов, 1997: 105-108; Измайлов, 2003: 71-74; Измайлов, 2005: 67-79).

Оружие ближнего боя казанских воинов включало разнообразный набор боевых средств позднего средневековья: сабли, копья, боевые топоры, булавы, ножи. Сабли были традиционным оружием тюрко-татар и получили распространение в Поволжье еще с VIII в. За это время они много раз видоизменялись и совершенствовались. С территории Казанского ханства из раскопок и музейных собраний известно, по крайней мере, две целых сабли и один обломок. Судя по этим находкам, в XV-XVI вв. татарские сабли обычно

имели длину лезвия 0,9-1 м, на нем имелась овальная выемка – дол, а клинок заканчивался обоюдоострым расширением – елманью.

Эфес этих сабель был крестовидный с расширениями на концах, находки подобных гард известны из раскопок в Казанском Кремле и ряде других памятников периода Казанского ханства. На ряде сабель XIII-XIV веков лезвие клинка у эфеса было оковано железной пластиной, чтобы избежать прорезания ножен. В отличие от более ранних, сабли XV-XVI веков часто имели большую ширину и кривизну клинка. Они позволяли наносить мощный рубящий удар, а также колоть. (Рис.1) Сабли обычно носили в кожаных ножнах с металлическими оковками краев. Богатые воины могли себе позволить ножны с серебряными и золотыми накладками и навершиями, усыпанными драгоценными камнями. Вообще, сабли традиционно были оружием знати, знаком рыцарского достоинства батыра. Их ношение и использование было исполнено особым смыслом. Например, батыр не должен был в случае ссоры обнажать клинок более чем на треть, так как после этого он мог вложить его обратно только «отмыв» в крови обидчика. Потерять или отдать саблю означало потерять честь. Обычно они передавались по наследству и хранились в домашних арсеналах. Этим объясняется редкость их находок среди археологических коллекций.

Универсальные боевые ножи были незаменимы в походе и быту, а в решающую минуту становились последней надеждой воина. Обычно хронисты средневековья, чтобы показать ожесточенность боя, писали, что дело дошло до ножей. Характерно, что на многих рисунках татары изображены именно с ножами. Судя по гравюре из издания С.Герберштейна, татары были вооружены узкими длинными ножами в кожаных ножнах и носились справа на поясе.

Копья были разнообразны по форме и области применения, хотя по количеству типов казанские копья уступали наборам предшествующего периода. В этот период происходит изменение в копейном наборе. Практически исчезают узкие, вытянутые, часто четырехгранные наконечники, насаженные на длинные (до 3-4 м) древки – пики, с помощью которых отряд всадников с ходу, развернутым строем – лавой, врезался в ряды противника, стараясь пробить доспехи неприятельских воинов, свалить их с коней и, если удастся, обратить в бегство. Их место занимают удлиненные листовидные и клиновидные копья.

(Рис.3) Очевидно, что в этот период наряду с таранным ударом, копья стали использоваться более вариабельно с использованием более разнообразных приемов. Следовательно, казанские конные воины вели многоактный бой с многократным применением копий в разных фазах сражения – от таранного удара до фехтовальных приемов. Не исключено применение казанцами и метательных копий – джерид (по-русски – сулиц). Известны они только по более поздним письменным источникам, но не по археологическим материалам.

Пехотинцы имели другие копья – с широкими лезвиями на 2-3-метровых древках. Они были незаменимы в полевых условиях при действиях против латной конницы и пехоты, а также при защите укреплений.

Боевое применение копий татарами, вопреки мнению ряда историков, подтверждается не только многочисленными археологическими находками, но и данными письменных источников. Характерно, что в «Казанской истории» упоминается «копейный бой» у татар, что, очевидно, подчеркивает регулярное, правильное использование копий строем воинов.

На вооружении татар состояли разнообразные виды боевых топоров. Явно выделялись две группы ударно-рубящих древковых орудий. Часть из них – широколезвийные топоры на длинных топорищах – это, несомненно, оружие пехоты. Другой группой являлись топоры с выступающим обухом – чеканы. Большая часть из них, сохранившаяся в музейных собраниях Казани (НМ РТ) и Москвы (ГИМ), покрыта по всей поверхности лезвия затейливым растительным орнаментом. Скорее всего, это было вооружение знатного воина. (Рис.3)

Дополнительным вооружением рыцаря служили также булавы-шестоперы (железные или бронзовые навершия с шестью широкими боевыми лопастями) и боевые клевцы с узким клиновидным лезвием. По сравнению с XIII-XIV вв. навершия булав заметно потяжелели (до 0,6-0,8 кг). Они были незаменимы в ближнем бою и стремительных конных стычках, когда необходимо нанести сильный и неожиданный удар, способный пробить доспехи или оглушить противника. В этот период украшенные золотом, серебром и драгоценными камнями, булавы служили также знаками воинской власти. Образцы подобных булав XVI-XVII вв. представлены во многих музейных собраниях России (ОП МК) и Турции (Стамбула) (Аствацатурян, 2002: 185-187). Не

исключено, что подобные наворачия применялись и казанскими военачальниками.

Лук и стрелы были самым распространенным в XVI столетии оружием дистанционного боя. Судя по тому, что в памятниках периода Казанского ханства не обнаружены костяные детали луков, можно предположить, что татарские лучники имели на вооружение сложносоставные луки без костяных деталей. Такие луки использовались для стрельбы центральноазиатскими номадами в течение длительного исторического периода с хунно-сяньбийского времени. Подобные луки получили распространение в кочевом мире Центральной Азии в эпоху развитого средневековья (Худяков, 1991: 99-100; Худяков, 1997: 62). Схожие по конструкции луки с большим количеством плечевых фронтальных накладок были на вооружении у кыштымов в Южной Сибири в эпоху позднего средневековья (Нечипоренко и др., 2004: 133). Вооружались ими также воины Сибирского ханства. В могильнике Абрамово-10 (Западная Сибирь) были найдены остатки сложносоставных луков, кибыть которых была изготовлена из деревянных деталей, без использования костяных накладок. Судя по сохранившимся деревянным частям, кибыть лука была двухслойной с деревянной фронтальной накладкой и деревянными концами. Она была обклеена берестой (Молодин и др., 1990: 44-47). Они сохранились в арсенале сибирских татар вплоть до этнографической современности. Один такой лук, опубликованный Р. Карутцем (Karutz, 1925: 70), полностью изготовленный из дерева имел выгнутую форму, утолщенную середину и плавно загнутые концы.

В эпоху позднего средневековья в руках умелых, натренированных стрелков, какими были сибирские татарские воины, сложносоставные луки оставались привычным, удобным и достаточно эффективным оружием для стрельбы на короткие и средние дистанции. В источниках нет точных сведений о том, насколько дальнобойными были луки воинов Казанского ханства. Рекорд дальность стрельбы был зафиксирован в Турции, где на площади Ок-Мейдан (Площадь стрел) есть записи рекордов, где указано, что некоторые лучники пускали стрелы на 850-870 м (Маркевич, 1937: 18-19), но обычная дальность стрельбы для евразийских лучников достигала 200-300 м. При этом считается, что дистанция прицельной стрельбы сибирских лучников состояла в пределах до 50 м (Худяков, 2000: 73).

Очевидно, что убойная сила и скорострельность луков того времени была очень высока: хороший лучник мог в минуту выпустить около 10 стрел, каждая из которых на расстоянии 50-100 метров убивала лошадь наповал или пробивала грудь воина, защищенного кольчугой, насквозь таким образом, что наконечник вышел из спины. В источниках XV-XVII вв. есть сведения об убойной силе луков. В послании 1493 г. Менгли-Гирея к Ивану III упоминал, что один из приближенных детей Ахмада был убит стрелой в борьбе с мещерскими служилыми татарами (Сборник РИО, 41: 175-176). Другой случай был зафиксирован в 1616 г., когда некий служилый человек из Тулы Остафий Крюков подал челобитную о выдаче ему денег за лечение ран, полученной в бою с татарами под Дедиловым. Он написал, что был ранен из лука «в груди на обе стороны». Комиссия расследовала это прошение и пришла к выводу, что он действительно был «ранен из лука в грудь промежутком, а стрела вышла в спину; рана зажила, а лечился собою» (АМГ, 1: 138). В этих прошениях первой трети XVII в. довольно часты указания на то, что боевые лошади служилых людей были убиты из лука – «подо мною застрелили из лука коня наповал» (АМГ, 1: 509, 511). В 1634 г. болховский воевода князь Юрий Мещерский свидетельствовал, что Тимофей Дичков «с татарами бился явственно ... а его Тимофея на том бою ранили, застрелен из лука по левому боку, да под ним же убит конь наповал» (АМГ, 1: 634). Комиссия указывала после проверки, что «рана больна и ныне не зажила».

Особенно эффективно было использование луков большими маневренными массами всадников, буквально поливавших противника дождем стрел. Успешно применяли их также при осаде и обороне городов, во время речных сражений.

Лук был универсальным оружием как простых, так и знатных воинов. Различия касались лишь качества и совершенства конструкции лука и богатства отделки набора из колчана и кожаного чехла для лука – саадака. Сделанные из сафьяна, прошитые золотой и серебряной нитью, украшенные драгоценными камнями, они являлись признаком знатности и богатства. Один такой саадак – налучье – был найден при раскопках Казанского Кремля. (Рис.4) Он был сшит из хорошо выделанной кожи с тесненным орнаментом. Лицевая его часть была украшена небольшим изображением в виде круга с драконом в нем.

Некоторые подобные парадные саадаки XVI-XVII вв. украшают собрание ОП МК (Успенский, 1927: С. 7-8).

Весьма разнообразно было и защитное снаряжение. Для XVI в. вообще было характерно использование стальных защитных пластин и кольчужного плетения в различных сочетаниях. Оружейники стремились добиться непроницаемости доспехов и максимально облегчить их в условиях быстротечной, маневренной борьбы больших масс кавалерии, стремительных набегов и стычек, которые все чаще входили в боевую практику (См. подробнее: Денисова, 1953: 59-70; Кирпичников, 1976: 33-43; См. также: Успенский, 1927: 1-6.).

Как и раньше, наиболее распространенными были тегилiai – легкие стеганые бумазейные халаты до колен, в подкладку которых вшивались кольчужные сетки или стальные бляхи, и кольчуги (кёбе), собранные из десятков тысяч стальных колец (для XVI в. характерны новые типы плетения и формы колец, высокий стоячий воротник, простеганный кожаными ремнями, большой запах ворота и вес более 10 кг). Одним из видов кольчуги, известной по находкам археологов, была байдана – доспех в виде широкого длинного халата с разрезом спереди, собранного из широких шайб. Одевался он обычно на простую кольчугу или стеганный халат и, благодаря широкому запаху на груди, являлся довольно легким и надежным средством защиты. Остатки эти кольчатых доспехов известны из археологических находок из Казани и Камаевского городища. В фондах Национального музея Республики Татарстан также и целые кольчуги, которые относятся в XV-XVII вв. (Рис.5)

Наибольшие изменения коснулись в XVI в. доспехов из стальных пластин (йарак). Именно в этот период наряду с традиционными куйками (доспех-безрукавка из крупных стальных пластин, крепившихся заклепками к кожаной основе, часто снабжаемый наплечниками, воротом забралом и разрезным подолом) появились юшманы – доспехи из кольчуги с вплетенными на груди и спине большими пластинами, колонтари – комбинированные доспехи без рукавов в виде горизонтально расположенных крупных пластин, скрепленных кольцами, и бехтерцы (от персидского «бехтер» – панцирь), состоявшие из узких коротких стальных полос, располагавшихся вертикальными рядами на груди и спине. Все эти виды доспехов часто покрывались посеребрёнными изящными растительными узора-

ми. Использовались также стальные наручи, защищавшие руки воина до локтя и поножи (бутурлык), прикрывавшие его голень.

Шлемы у казанцев также были нескольких видов. Большинство воинов защищали голову простеганной бумажной или кожаной шапкой, усиленной сеткой из стальных колец или полос. Использовались и стальные шлемы. Наиболее популярными были мисюрки (из Мисра, то есть Египта) – стальные сферические шапочки с железными наушами и длинной сеткой из стальных колец, защищавшей лицо и горло воина, и ерихонки – высокие конические наголовья с наушами, назатыльником и козырьком со стреловидным наносником.

Тело казанского воина, скорее всего, защищал небольшой (около 50 см в диаметре) выпуклый круглый щит из кожи или тростника с железной бляхой в центре. К сожалению, детали их не сохранились и об их конструкции можно судить по иллюстрациям и аналогиям – вооружению из музейных собраний Москвы (ОП МК) и Стамбула. Разумеется, иметь полный набор защитного снаряжения, особенно металлические доспехи, могли только знатные воины. Судя по известиям русских летописей, «панцири и доспехи», «панцири и шлемы» постоянно отмечались как обычное оружие татарской аристократии. В набор знатного воина, как правило, входили сабля, булава или боевой топор-чекан, пика, лук со стрелами в дорогом саадаке и полный набор защитного снаряжения, включавший стальной шлем, один из видов панциря, щит и наручи. (Рис.6) Лошади аристократии, судя по русским и крымским материалам, имели роскошные конские уборы из высоких седел – арчаков, драгоценной узды и чепраков, а иногда, видимо, и чалдар – доспехи из металлических блях, защищавшие грудь и бока боевого коня.

Именно тяжеловооруженные всадники составляли костяк войска казанских ханов. Формировались они из слоя татарской аристократии (огланы, эмиры, мурзы), мелкой служилой знати (казаки, батыры) и военных слуг. Их насчитывалось всего несколько тысяч человек, но решающая роль их в боевых действиях, не подлежит сомнению. (Рис.7) Определенное число панцирной кавалерии и конных лучников вливались в состав казанского войска благодаря союзам с Ногайской Ордой и Крымским ханством.

Воины-ополченцы, участвовавшие в походах в исключительных случаях, имели

универсальное и сравнительно недорогое вооружение: широкие копья, широколезвийные топоры, луки и стрелы, а также кожаные и бумазейные доспехи. Их роль была довольно значительна только при осаде укреплений, в полевом же сражении они практически не имели сколько-нибудь самостоятельного значения. Пехота казанцев формировалась из ополчений административно-феодалных округов (даруг) и союзников – «черемисов» (марийцев и чувашей). (Рис.8)

Войсками Казанского ханства довольно широко применялось огнестрельное оружие. Мнение о том, что в Казани не умели им пользоваться, а со стен Казани стреляли русские артиллеристы, прикованные к пушкам, ложно и восходит к православным легендам позднего времени. Современные находки позволяют говорить о том, что пороховое оружие было известно в Поволжье еще с 70-х годов XIV в. Из раскопок Казани известен один ствол огнестрельного ручного оружия (русское название пищаль), относящегося к XVI в. Часто встречаются в Казани и каменные ядра от пушек. В русских и европейских источниках сохранились сведения о пищалях и пушках, стреляющих со стен города: казанцы стреляли «з города из пушек и ис пищали и из луков» (ПСРЛ, 29: 99) и бывших на вооружении казанцев во время боевых действий: во время атаки небольшого татарского укрепления на Булаке в 1530 г. русские войска «и пушки и пищали у них поимаша» (ПСРЛ, 8: 273). В полевом бою использование пушек и пищалей казанцами зафиксировано в 1551 г., когда большой отряд мятежных мурз из Горной стороны подступил к стенам Казани. Тогда «вышли к нимъ все Казанские люди, Крымцы и Казанцы, да с ними билися крепко и от обоих падоша. Казаньцы же вывезли на них из города пушки и пищали да учяли на них стреляти. И Горные люди, Чюваша и Черемиса, дрогнули и побежали...» (ПСРЛ, 29: 62). Судя по всему, в Казани применялся разнообразный набор огнестрельных орудий – от легких ручных и тяжелых станковых ружей до легких пушек (тюфенк), стрелявших картечью, и тяжелых полевых и крепостных пушек. Их эффективно использовали как в полевом бою, так и при осаде городов, где применяли тяжелые стенобитные орудия типа мортир, ведшие навесной огонь. Очевидно, что большинство этих орудий отливалось самими казанцами, часть их была захвачена у русских во время неудачных походов (1506, 1524, 1530 гг.).

Есть сведения о существовании в цитадели Казани специального цейхгауза, где содержался порох и орудейный парк. При арсенале находились мастера-оружейники и опытные пушкари. Опытные пушкари были чрезвычайно ценными военными мастерами и их роль в военных действиях была довольно высокой (Об артиллерии и пушках во второй половине XVI в., см.: Немировский, 1982). Доказывает это, например то, что после поражения русского войска под Казанью в 1506 г., великий князь Иван III больше негодовал не по поводу потерянных пушек, а из-за того, что чуть было не попал в плен к татарам один из опытных артиллеристов. Он говорил: «не орудия важны для меня, а люди, которые умеют лить их и обращаться с ними» (Герберштейн, 1988: 172). С. Герберштейн рассказывал о хорошей организации орудейного огня при обороне Казани в 1524 г. «единственным пушкарем», когда «осажденные защищались довольно решительно, также стреляя во врага из пушек» (Герберштейн, 1988: 178). То, что стрельбу вели умелые и опытные стрелки, подтверждает и смерть от пущенного со стены пушечного ядра князя Дмитрия Микулинского – одного из руководителей штурма Казани в 1552 г.

Часто русская наука, говоря об ущербности вооружения Казанского ханства, ссылается на отсутствие постоянной армии – пехотных полков вооруженных пиками и ружьями. Однако следует сказать, что и в России такие стрелецкие войска стали создавать только в 1550 г. и первое боевое испытание они прошли во время осады Казани (Разин, 1957: 330-338). Такие же постоянные пехотные войска начали создаваться в то же время во Франции, Швеции, Польши и Османской Турции (Введенский, 2003; Nicolle, 1983). Можно сказать, что на пороге подобных военных реформ стояла и Казань, и только русское завоевание прервало этот закономерный процесс.

Особым средством ведения боевых действий был речной флот (Измайлов, 1994: 97-100). Традиции торгового и военного судоходства на Волге уходят в глубь веков. В течение веков здесь существовал своеобразный паритет между Русью и Булгарим улусом Золотой Орды. Но ослабление центральной власти в Золотой Орде привело к расцвету речного пиратства и грабительских набегов московских флотов на поволжские города. Возникшему Казанскому ханству потребовался новый речной флот. Основой создания его стали торговые суда, совершавшие дальние плавания от Твери до Хаджи-Тархана (Астра-

хани) и до южных берегов Каспийского моря. Торговый флот давал основные кадры капитанов, моряков и лоцманов. Суда перевозили войска и могли служить после небольшой перестройки в качестве военных судов.

Флот казанцев состоял из судов различных типов. Среди них были беспалубные корабли типа ладей. Они имели различные размеры – от небольших лодок до больших судов, которые по-русски назывались ушкой. Они имели большой парус и весла, что делало их быстроходными и маневренными, а также удобными для подъема на берег. Средние лады могли разместить на борту 30-50 человек и несколько боевых лошадей. Обычно они использовались как вспомогательные или десантные суда, используемые для боевых действий на мелководье. Ушки были более крупными парусно-весельными судами и могли нести тяжелый груз и десант в 100-200 воинов. Не исключено, что в качестве боевых судов на Волге казанцы изредка использовали также палубные парусно-весельные суда, называемые насадами. Конструктивной особенностью этих самых крупных волжских кораблей, бороздивших волжские воды вплоть до XVII века, были высокие «насаженные» борта и палуба. Некоторые типы этих насад, очевидно, имели вид галер типа турецких кадырга или баштарда. На них могли размещаться даже легкие пушки и большой экипаж и десант. Обычная грузоподъемность их достигала 2 тысяч тонн. Боевые суда, в отличие от торговых, как правило, несли над палубой боевые надстройки на носу и корме, где располагались стрелки и легкие пушки (тюфенк).

Все казанские суда строились на местных верфях, самая известная из которых располагалась в деревне Бишбалта (ныне Адмиралтейская слобода) (См.: Султанов, 2004: 164-166). Жители ее строили не только суда, но и изготавливали все необходимые материалы – смолу, канаты, паруса. Здесь же жили судоводители моряки и лоцманы. Недаром, используя эти древние традиции, именно здесь были заложены по приказу Петра I стапели Казанского Адмиралтейства, с которых в XVIII в. сошло более ста судов для русского флота. Здесь же в устье реки Казанки и базировался казанский флот, насчитывавший в разные годы до 200 галер и ладей.

Тактика речных сражений заключалась в обстреле противника с целью нанесения ему повреждений или даже сожжения вражеских судов и уничтожения экипажей. Примером таких маневров может служить речной бой в

1469 г., когда казанский флот атаковал русские лады, после короткой перестрелки отступил, а потом вновь атаковал их, по словам русской летописи, «начав биться» и «обстреливать». Обычно все эти маневры заканчивались сближением судов и попыткой завязать рукопашный бой на палубе вражеского корабля и взять его на абордаж. Для этого на судах кроме команды размещались боевые десанты. В том же 1469 г. на казанских судах русский летописец упоминал «лучших князей и людей» (ПСРЛ, 25: 282-283). (Рис.9)

Один из самых ярких эпизодов речной войны между московским и казанским флотом произошел в 1469 г., когда отряд судов князя Ухтомского из города Устюга, двигаясь по рекам Вятка и Кама на соединение с русским флотом, был атакован близ Казани татарским флотом. Бой произошел по всем правилам. Сначала противники, сближаясь, обстреливали друг друга, а потом сошлись борт к борту в рукопашной схватке. В яростном сражении князь Ухтомский потерпел полное поражение. Как пишет летопись, «татарове устюжан били, и дворян в плен брали»; тогда же убили Никиту Ярославского, а воеводу Юрия Плещеева и его товарищей пленили». Всего в том бою погибло около пятисот русских воинов и почти весь флот. Князю Ухтомскому удалось прорваться только с несколькими судами (Июасафовская летопись: 60; ПСРЛ, 30: 136; ПСРЛ, 37: 92).

Основная функция казанского флота была поддерживать наступательно-оборонительные действия основного войска и защищать речные подступы к Казани. Например, довольно успешно флот действовал при блокаде русской армии, осаждавшей Казань в 1524 г. Вместе с сухопутными войсками они разгромили флот князя Палецкого, который вез подкрепления, продовольствие и осадную артиллерию. В результате русские войска не только потеряли более девяноста судов и все пушки, но и были полностью окружены, что предопределило их полный разгром (Герберштейн, 1988: 177-179).

Разумеется, не всегда действия казанского флота были успешными. Были случаи, когда он терпел поражения и неудачи, но при этом всегда демонстрировал высокие боевые качества и выучку, на равных сражаясь с русскими флотами. История, к сожалению, не сохранила до нас много имен казанских флотоводцев, таких как бек Тулязий, но, несомненно, что их было достаточно и их военное искусство не уступало русским судоводителям. Упадок

татарского боевого флота начинается в 1540-е гг., когда основная часть судов была уничтожена или передана Москве.

Военная организация татар была связана с предшествующими традициями Золотой Орды. Она включала ополчения от различных областей и городов, личные отряды знати, а также полки союзников - черемисов и ногаев.

Господствовавшая феодальная верхушка состояла из хана, членов его семьи и ещё из четырех сословий: мусульманского духовенства, князей и мурз, казаков – дворных (ички) и задворных. Не исключено, однако, что ички имели более высокий статус и сами являлись беками (Исхаков, 1998: 61-80).

Социальная организация знати в Казанском ханстве имела иерархическую систему, связанную с правами на землевладение (или взимания определенного налога), как условное (сойюргал), за которое он обязан был служить своему сюзерену или условно-безусловное (тархан) – освобождение от повинности (всех или части) в пользу хана. Высший слой знати составляли огланы, карачи и эмиры, далее шли мурзы, а слой рыцарства составляли багатуры и казаки. Основным занятием служилого сословия была война. Недаром, на сохранившихся эпитафиях XVI в. можно довольно часто прочесть, что имярек «мученически пал от руки неверного» (См.: Рахим, 1930: 164, 169).

Интерес представляет термин «чура», который сохранился и в аутентичных письменных источниках, и в татарских преданиях. Выше уже говорилось, что этот термин не имеет ничего общего с наименованием «кол», а обозначал военных слуг, что отчетливо видно из эпоса «Чура-батыр» и «Казанской истории», описывающей бегство исторического Чуры Нарыкова. В принципе термин «чура» можно было бы совместить с широко известным восточным военным терминами, как «гулям» или «мамлюк». Гулямы и мамлюки – рабы, часто купленные на невольничьих рынках юноши, проходили военную подготовку в специальных военных лагерях, становясь профессиональными тяжеловооруженными воинами, способными сражаться с европейскими рыцарями, в социальном отношении они часто делали головокружительную карьеру, становясь правителями целых государств (например, государство мамлюков в Египте или Индии). Однако, скорее всего, под термином «чура» следует понимать общее наименование слоя военных слуг – рыцарей. Об этом свидетельствует, как указания источни-

ков (например, что Идегей стал у хана Токтамышша «чурой» (Усманов, 1972: 94)) и татарские предания о военных слугах – чурах, так и более ранняя тюркская традиция, которая восходит еще к эпохе Тюркских каганатов. Был он известен и в Поволжье, где фиксируется, по меньшей мере, со второй половины XII в. и широко использовался в титулатуре в XIII-XV вв., обозначая представителей военного сословия, рыцарство (Измайлов, 1997а: 145). В Поволжье он использовался в диалектной форме йори/чури (См.: Хакимзянов, 1978: 80-82). Позднее, после русского завоевания, этот термин был вытеснен из социальной практики другим наименованием сословия воинов – «служилые татары».

Вопреки мнению отдельных исследователей (Худяков, 1990: 201-203), в ханстве помещиками, получавшими земли за службу, были, скорее всего, не представители высшей знати – они владели вотчинами – а низшей, т.е. казаки (рядовые, десятские и сотские). Возможно, им принадлежало до ¼ земельных угодий государства (Худяков, 1990: 201-203). Этот вывод вытекает из того факта, что в первые десятилетия после русского завоевания так называемые «служилые татары» были переписаны как группы, рассеянные по многим деревням в качестве помещиков (См.: Писцовая книга 1602 – 1603, 1978).

Система земельных правоотношений в Казанском ханстве и, основанная на ней структура военно-служилой знати, получила детальное описание в трудах Ш.Ф. Мухамедьярова и Р.Н. Степанова (См.: Мухамедьяров, 2012: 93-142; Мухамедьяров, 1958; Степанов, 1966: 94-110). Изучение источников позволило им сделать вывод, что типичной формой земельных отношений в Казанском ханстве была военно-ленная система в виде наследственного владения (сойюргал или тархан). Держатель подобного владения обязан был нести военную или иную службу своему сюзерену (обычно таковым считается хан, хотя, думается, что власть его была опосредована главами татарских кланов), а взамен получал наследственное держание (владение), определенный налоговый и административно-судебный иммунитет. Тем самым, военная служба являлась основной и главнейшей обязанностью владельца сойургала, хотя порядок ее исполнения и продолжительность, диктовавшиеся, очевидно, обычаем, в деталях неизвестны. Иллюстрацией подобного сбора на войну может служить отрывок из «Казанской истории»: «И слышав Казанский царь Сапкирей великих воевод Московских

в велицей силе идуша и посла во все улусы Казанские по князеи и мурзы, веля им в Казань собратися из отчин своих, приготовившимся сести в осаде, сказуя многу, необычну силу Русскую» (ПСРЛ, 19: 252).

Вся сословная военно-служилая аристократия и, в значительной мере, духовенство в Казанском ханстве являлась представителями татарских родов и племен. Можно эту мысль сформулировать даже более четко – в Казани, как впрочем, и во всем Улусе Джучи, не было иного военно-служилого сословия, кроме татарского, то есть никто не мог быть включен в сословие знати, если он не принадлежал к какому-нибудь татарскому клану и, соответственно, все представители этого сословия в силу кровно-родственных и семейных связей принадлежали к тому или иному клану. Из всех родов (а их реестры, например, в государстве Шибанидов, насчитывали до ста названий) Казанского ханства особой знатностью и могуществом выделялись четыре – Ширин, Аргын, Кыпчак и Барын. Это были те самые четыре правящих рода, традиция выделения которых (именно четырех, тогда, как название конкретных родов варьировалась от ханства к ханству) восходит еще к государственной структуре Улуса Джучи, а через него – к древнетюркским временам (См.: Шамильоглу, 1993: 44-60).

Общее число воинов в Казанском ханстве, судя по численности всего населения, могло достигать 50 тысяч человек, но вряд ли превышало даже 20-30 тысяч во время серьезных боевых действий, что в какой-то мере сопоставимо с замечанием С. Герберштейна, что «царь этой земли (т.е. Казанской – И.И.) может выставить войско в тридцать тысяч человек, преимущественно пехотинцев, среди которых черемисы и чуваша – весьма искусные стрелки». Однако численность тяжеловооруженной кавалерии во всем ханстве (включая и отряды ногаев и крымцев), вряд ли превышала 5-10 тысяч, а, скорее всего, была меньше, поскольку численность всего сословия феодалов составляла не более 10% всего населения. Поэтому ясно, что когда во время войн и смут 1546-1552 гг. погиб цвет татарской знати, то это явилось одной из причин поражения ханства.

Казанцы были весьма искусными воинами. Сама принадлежность к татарской клановой аристократии диктовала особые требования к чести, мужеству и отваге ее представителей. Эти качества татарских воинов отмечались даже их врагами. Итальянский

путешественник Иосафат Барбаро, побывавший в начале XV в. в Азове и Поволжье, оставил такое описание татарского войска: «Военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуются «гази багатер», что значит «безумный храбрец»... Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрых» (Барбаро и Контарини о России: 146). У русских летописцев сложился уважительный образ храброго татарина – воина «в ратном деле очень свирепого и жестокого», не щадившего в бою ни своей, ни чужой жизни. Так, автор русской повести «Казанская история» с уважением писал об одном татарине, который вступил в бой с пятьюдесятью русских воинов (Казанская история: 70).

Для управления в бою и ориентировки войск татарам служили знамена. Главный флаг хана (тут, элем) был также символом достоинства государства и обычно имел вид прямоугольника, прикрепленного длинной стороной к древку. Цвет таких знамен был в XV-XVI веках голубым, зеленым или красным (или комбинацией этих цветов), с вышитыми золотом кораническими надписями или арабесковыми узорами (иногда на них, видимо, изображали тамгу Джучидов). Отдельные знатные люди и их полки имели большие (подтреугольные или прямоугольные) знамена (хорунга, еленге), а отдельные воины – небольшие флажки (жалау) на шлемах и древках копий. Часто в виде знамени военачальников использовались шесты с конскими хвостами, число которых указывало на ранг полководца.

Тактика полевого боя и оперативное искусство казанцев были довольно сложными – это не раз отмечали русские и европейские современники. Полевой бой включал маневры легкой конницы, которая галопом проносилась мимо рядов противника, закручивая своеобразный круговорот (по словам С. Герберштейна «пляску» – «хоровод» (Герберштейн, 1988: 168)), непрерывно обстреливая их из луков. Когда обороняющиеся отступали, то в бой вступала с пиками наперевес тяжелая кавалерия. В случае если неприятель атаковал сам, стрелки быстро отступали, стремясь измотать и расстроить его ряды, а потом подставить под разящий удар кавалерии. Обычно такой встречный бой распада-

ся на ряд быстротечных схваток и маневров отрядов конницы.

В условиях многоэтапных боевых операций татары использовали различные театры военных действий, включая реки, применяя тактические и оперативные маневры и охваты. Наиболее показательна в этом смысле тактика обороны Казани. Не имея сил противостоять превосходящим русским силам, казанцы подпускали их под стены города, намереваясь окружить их и лишиться подкреплений и подвоза продовольствия. Такая тактика активной обороны с опорой на мощную крепость, защищенную огнем артиллерии, позволяла измотать противника в локальных боях, обескровить его и окончательно разгромить. Наиболее успешными операциями такого рода явились войны 1467-1469, 1506-1507, 1524 и 1530, 1549 гг. (Рис.10)

Обычно многотысячные русские войска (иногда по данным летописей составлявшие до 100 тысяч человек) двигались двумя частями на Казань. Первая, высаживаясь с судов под Казанью, начинала осаду города, а вторая с основной частью войска и конницей выступала по правому берегу Волги позднее. Иногда коннице приходилось вступать в бой с татарской конницей, причем не всегда ей сопутствовала победа. Под Казанью, между тем, начиналась борьба за полевые укрепления, вынесенные казанцами за пределы стен. Смысл ее состоял в том, чтобы навязать наступающим русским войскам бой на открытой местности под прикрытием обстрела со стороны стен и башен города. Одновременно в тылу у осаждающих начинали концентрироваться конные полки и ополчение. Они согласовано с защитниками города нападали

на русский лагерь и отдельные полки и нередко полностью перекрывали подвоз продовольствия и боеприпасов, как это было в 1524 г. В случае прямого штурма укреплений города казанцы отвечали контратаками и ударами конницы в тыл наступавшим. Так, во время осады 1487 г. действовали отряды карачи-бека Али-Гази, а в 1552 г. мурзы Епанчи. Чаще всего такой двойной удар приводил к поражению и бегству осаждавших войск. Неоднократно применявшаяся тактика свидетельствует о высокой выучке и стойкости татар.

Удавались казанцам и наступательные операции – обычно по Волге на Нижний Новгород (1505, 1523, 1536 гг.) и лишь однажды на Москву - в 1521 г. (в союзе с Крымским ханством). Обычно подобные операции были ответом на враждебные действия со стороны Московской Руси и преследовали цель заставить ее заключить мирный договор.

Таким образом, казанские татары имели весьма развитое и разнообразное вооружение и снаряжение, ничем не уступавшее оружию соседей. Весьма важно, что и артиллерия – наиболее перспективное оружие того времени – довольно активно использовалась казанцами. Анализ вооружения и военного искусства татар, позволяет уверенно отвергнуть имперский миф о «примитивной тактике набегов» и отсутствии способности бороться против России. Он показывает, что с 1487 г. Казань почти семь десятков лет успешно противоборствовала с Россией и не единожды наносила ее войскам жесточайшие поражения. Подобный успех был возможен только при наличии современных боевых средств и тактики обороны.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты Московского государства. Т.1. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1890. 802 с.
- Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. 335 с.
- Барбаро и Контарини о России. (К истории итало-русских связей в XV веке). Л.: Наука, 1971. 274 с.
- Бахтин А.Г.* Образование Казанского и Касимовского ханств. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2008. 252 с.
- Введенский Г.Э.* Янычары. СПб.: Атлант, 2003. 176 с.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
- Денисова М.М.* Оборонительное вооружение // Русское оружие XI-XIX вв. М.: Гос. Изд-во культ.-просвет лит.-ры, 1953. 214 с.
- Измайлов И.Л.* Вооружение Казанского ханства (XV-XVI вв.) (к постановке проблемы) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань: Заман, 1995. С.135-139.
- Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X-XIII в. Казань; Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

- Измайлов И.Л.* Казан ханлыгы флоты // Мирас. 1994. № 9. С.97-100.
- Измайлов И.Л.* В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина. 1997. № 3-4. С. 105-108.
- Измайлов И.Л.* Военная организация Казанского ханства (некоторые выводы и проблемы исследования) // Гыйльми язмалар / Ученые записки Татар. гос. гуманитарного института. 2003. № 11. С.71-74.
- Измайлов И.Л.* Социальная структура ханства // Исахаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С.54-79.
- Исахаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с.
- Иоасафовская летопись. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 240 с.
- Казанская история / Публ., прим. Г.Н. Моисеевой. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.
- Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л.: Наука, 1976. 136 с.
- Маркевич В.Е.* Ручное огнестрельное оружие. Т.1. Л., 1937. 496 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 276 с.
- Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Изд-во «Ихлас», 2012. 276 с.
- Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань: Изд-во гос. объединенного музея ТАССР, 1958. 27 с.
- Немировский Е.Л.* Андрей Чохов (около 1545 – 1629). М.: Наука, 1982. 109 с.
- Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г.* Поздние луки среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. 232 с.
- Писцовая книга Казанского уезда 1602 – 1603 годов. Публикация текста. Казань: Изд-во КГУ, 1978. 2409 с.
- ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение Летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
- ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 368 с.
- ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.,Л.: Наука, 1949. 464 с.
- ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., Наука. 1965. 390 с.
- ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 242 с.
- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
- Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 2. М., 1957. 654 с.
- Рахим А.* Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды общества изучения Татарстана (ТОИТ). Т.1. Казань, 1930. С.145–172.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / Напечатано под наблюдением Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 588 с.,
- Степанов Р.Н.* К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Общественные и гуманитарные науки. Казань: Изд-во КГУ, 1966. С.98-99.
- Султанов Р.* Окрестные сельские поселения ханской Казани // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С.164-176.
- Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, Изд-во КГУ, 1972. 223 с.
- Успенский А.* Памятники древнетатарского военного искусства в Московской Оружейной Палате // ИОАИЭКУ. 1927. Т. XXXIII. Вып. 4. С.1–14.
- Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 208 с.
- Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Репринт. изд. 1923. Казань: Фонд ТЯК, 1990. 320 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 192 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1997. 159 с.

Худяков Ю.С. Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. № 5. С.72–75.

Шамильоглу Ю. «Карачи беи» Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд М.Султан-Галиева, 1993. С.44–60.

Karutz R. Die Volker Nord- und Mittelasiens. Stuttgart: Verlag von Strecker und Schroder, Franckhische Verlagshandlung. 1925. 120 S.

Nicolle D. Armies of the Ottoman Turks 1300-1774. L.: Osprey publ., 1983. 48 p

Информация об авторе:

Измайлов И.Л. доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. : ismail@inbox.ru;

ARMAMENT AND MILITARY ART OF KAZAN KHANATE IN 15th - FIRST HALF OF 16th CENTIRIES: A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF SOURCES

I.L. Izmailov

The article features an analysis of the armament and military art of the Tatar population of Kazan Khanate. It primarily contains materials of archaeological research and museum collections, as well as information from written sources. There has been a long-standing opinion in historiography that the military art of Kazan Khanate was experiencing a decline and was at a low level of development. This opinion was contradicted by the fact that for almost a hundred years the Kazan Tatars successfully resisted the Russian state. A comprehensive analysis of all materials on military archaeology and information from written sources related to the military art of Kazan Khanate testifies to its high level of development comparable with the armament of other Eurasian countries. At the same time, the offensive and defensive military tactics of the Kazan Tatars featured unique distinctions and traditions.

Keywords: armament, military art, Kazan Khanate, firearms, military service class, the Tatars, defence of Kazan.

About the Author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Scences. Institute of Archaeology of Sciences of Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Рис. 1. Сабля. XV-XVI вв. Поволжье. НМ РТ.

Рис. 2. Парадный орнаментированный топорик. XV-XVI вв. Казанское ханство. НМ РТ.

Рис. 3. Рогатина. XV-XVI вв. Казанское ханство. НМ РТ.

Рис. 4. Кольчуга. XVI-XVII вв. Поволжье. НМ РТ.

Рис. 5. Саадак. Узорная кожа. Казанский Кремль. XV-XVI вв. Раскопки Н. Набиуллина.

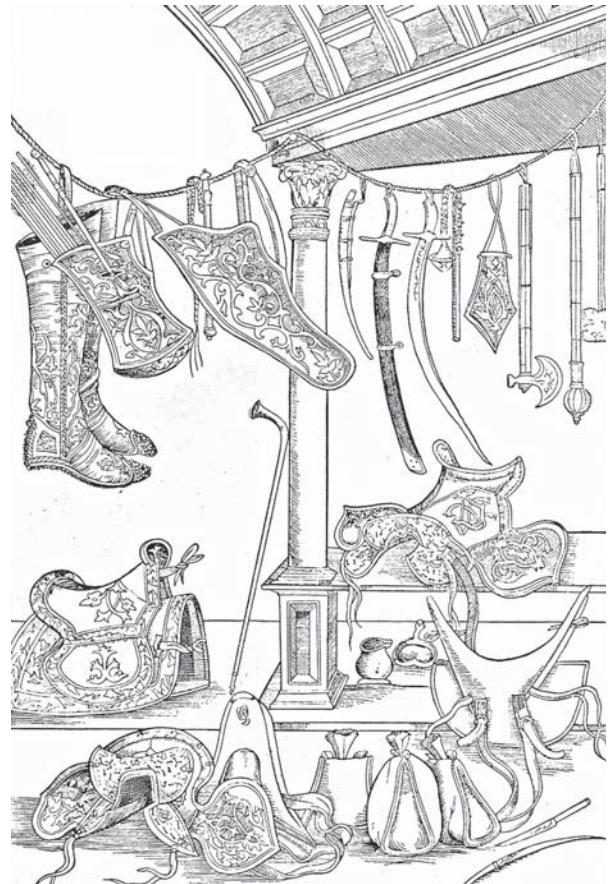

Рис. 6. Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов. Из латинского издания «Записок о Московии» С. Герберштейна, 1556 г.

Татарский воин середины XVI в. Если доспехи западных рыцарей состояли из цельнометаллических деталей, то на Востоке и на Руси предпочитали доспехи, сложенные из отдельных пластин, соединенных кольчужными или цепными. Такой способ защиты не уступал по прочности западным образцам, но скрывал движения воина. В мусульманских странах отдельные пластины часто украшались золоченой орнаментикой, изречениями из Корана.

Рис. 7. Вооружение знатного татарского воина из Казани. XVI в. Реконструкция О.Федорова. (Родина. 1997.№ 3-4).

Moscovita habitu militari. Tartarus gentili more armatus

Рис. 8. Московит в воинском одеянии. Татарин в своем туземном вооружении. Из немецкого издания «Записок о Московии» С. Герберштейна, 1556 г.

Рис. 9. Речное сражение между флотами русских и казанцев. 1467 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. Вторая половина XVI в. РГАДА.

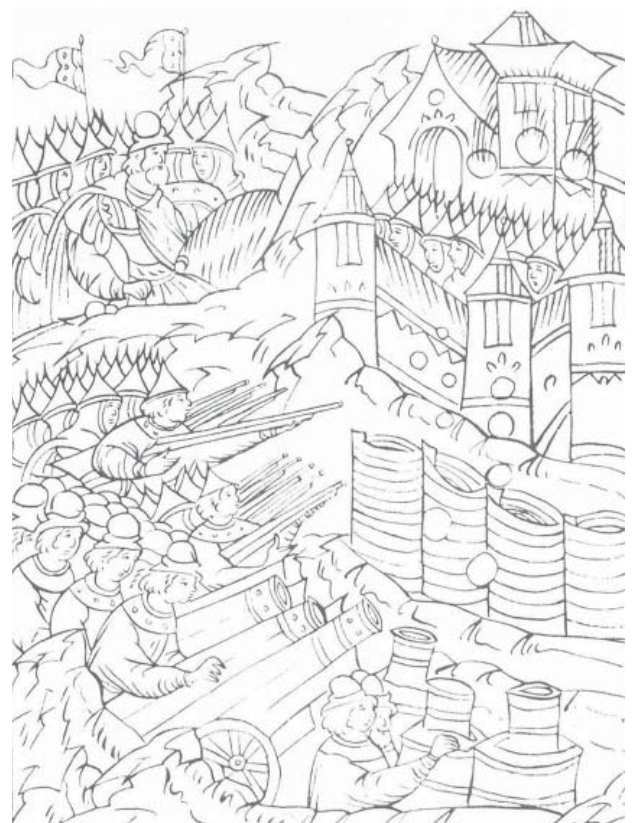

Рис. 10. Осада Казани русскими войсками в 1552 г. Миниатюра Лицевого летописного свода. Вторая половина XVI в. РГАДА.